

Министерство образования Российской Федерации
Вологодский государственный педагогический
университет

На правах рукописи

Тяпин Игорь Никифорович

**Старообрядческое население
Европейского Севера России
во второй половине XVII – начале XX в.**

специальность 07.00.02 – Отечественная история

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Вологда – 2002

ния северного старообрядчества, именно в пределах указанных границ существовал единый старообрядческий регион с системой различного рода связей, взаимовлияний и контактов между отдельными его частями.

Предметом исследования в широком смысле является само старообрядчество как массовое движение, прочное и длительное существование которого на Европейском Севере определило яркую особенность региона, наложило отпечаток на быт, ментальные установки и этнокультурные процессы, здесь происходившие. В более узком смысле исследованию подвергаются те изменения, которые происходили в численности, составе, размещении старообрядческого населения на указанной территории.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XVII – начало XX в.

Сам по себе столь обширный временной охват вызван отсутствием в историографии научного обзора длительной эволюции северного старообрядчества.

Вторая половина XVII в. выбрана в качестве нижней границы исследования потому, что именно тогда раскол старообрядчества появился на территории Европейского Севера и начал там развиваться.

Начало XX в. (до 1917 г.) определено конечной точкой исследования, поскольку после падения монархии начинаются коренные изменения в эволюции русского общества, в том числе и его религиозного сознания.

Цель исследования заключается в том, чтобы представить эволюцию старообрядческого населения на Европейском Севере в совокупности его количественных, территориальных, конфессионально-дифференцирующих, социальных характеристик на протяжении указанного периода времени.

Достижение поставленной цели видится через решение следующих исследовательских задач:

- выявление численности лиц старообрядческого исповедания, ее динамики и удельного веса старообрядцев в общей массе населения;
- изучение особенностей расселения старообрядцев, выделение очагов и центров старообрядчества;
- определение внутриконтрастной дифференциации старообрядчества: спектра его течений - направлений, толков и согласий – и степени их распространения, включая территориальную локализацию, во временной эволюции;
- исследование особенностей его половозрастного, сословного и этнического состава;
- выделение крупных хронологических этапов эволюции старообрядчества как массового движения;
- рассмотрение проблемы появления и распространения единоверия как силы, сохранявшей в своем учении основные идейные принципы ста-

рообрядчества, но противостоявшей собственно старообрядчеству и влиявшей на его количественные и пространственные показатели.

Методология и методика исследования. Методология настоящего исследования формировалась исходя из представления о единстве принципов историзма и научности. Принцип историзма в данном случае означает, что объект исследования – старообрядческое население – рассматривается во временной динамике в неразрывном контексте с историческим фоном, на котором протекала история объекта изучения (экономическое развитие Европейского Севера, общественное мировоззрение местного населения, государственная политика по отношению к старообрядчеству и др.) и с учетом накопленных к настоящему времени знаний. Научность требует привлечения всей совокупности методов исторической науки, а также других наук (в основном, статистики и демографии), сочетания методов конкретно-исторического и сравнительно-исторического анализа, а также исторического проецирования со статистическими (главным образом, методом количественных характеристик) и картографическими методами.

Историография старообрядчества Европейского Севера имеет обширные временные границы и насчитывает большое количество работ, косвенно затрагивающих исследуемую тему. Однако перечень специальных обращений к интересующим нас вопросам невелик.

Досоветский период. Начало изучения было положено сочинениями С. Денисова и И. Филиппова, составившими фактическую базу истории северного старообрядчества XVII – первой половины XVIII в.

Раскрытие нашей темы было бы невозможным без использования работ по общей истории старообрядчества Исследования А. Иоаннова, митрополита Макария (Булгакова), А. П. Шапова, В. В. Андреева, П. С. Смирнова, К. Н. Плотникова, И. Стрельбицкого, И. А. Кириллова, В. Г. Сенаторова дают представление об его целостном состоянии в тот или иной период и помогают тем самым лучше понять закономерности эволюции старообрядчества применительно к Европейскому Северу; в них дается характеристика происхождения и учения многих течений старообрядчества.

Ценный вклад в разработку проблемы старообрядческих самосожжений XVII – XVIII вв. на Европейском Севере – их причин, размаха, влияния на государственное законодательство и практику в отношении раскола – внес Д. И. Сапожников. Собранные им сведения о множестве северных «гарей» дают возможность выявить последовательность формирования старообрядческих ареалов в регионе.

С середины XIX в. в историографии раскола стали развиваться специальные, проблемно-тематические, исследования. Широкий интерес к теме Выга привел к выходу работ Я. В. Абрамова, П. Ф. Шаfranова, где были рассмотрены эволюция численности выговцев, выговская колонизация Севера, экономи-

ческий быт выговских скитов. В монографии И. Я. Сырцова, посвященной Соловецкому восстанию, подробно отражено участие в конфликте населения Беломорья и показана дальнейшая проповедническая деятельность соловецких монахов по возвращению ими очагов раскола. В основном же интересующие нас вопросы в досоветский период исследовались на локальном уровне (по губерниям или уездам) краеведами, а также лицами, профессионально борющимися с расколом: сотрудниками епархиальных и противораскольнических миссий, священнослужителями. В небольших по объему работах П. С. Ефименко, иеромонаха Доната, епископа Макария, Д. В. Островского, Н. И. Следникова, П. Чубинского, Н. Камкина, А. Лихачева, К. А. Докучаева-Баскова, Н. Е. Ончукова сообщается примерное время появления старообрядчества в том или ином месте и причины его распространения, численность старообрядцев (с элементами критики официальной статистики), примерное их расселение и конфессиональная дифференциация. Главной их особенностью является характеристика более настоящего (на момент написания) состояния объекта изучения, чем его прошлого.

Советский период. До середины 1920-х гг. изучение северного старообрядчества еще продолжалось историками дореволюционной школы. В частности, ход старообрядческой (главным образом, выговской) колонизации Севера до середины XVIII в. был рассмотрен В. Г. Дружининым. В монографии П. Г. Любомирова были обобщены результаты в исследовании темы Выга на тот момент.

Однако вскоре, в связи с религиозной политикой советского государства 1920-1930-х гг., тема старообрядчества почти исчезла со страниц печатных изданий. Так, не нашли публикации работы А. М. Линевского (хранение – архив Карел. ИЦ РАН), в которых была сделана попытка, опираясь на концепцию социально-экономических предпосылок старообрядческого движения Н. М. Никольского, выявить причины массового размаха раскола в Карелии и выделить периоды всплеска и затухания старообрядческого фанатизма на Европейском Севере до начала XIX в.

Возрождение интереса к старообрядчеству в 1950-1970-е гг. привело к появлению новой серии работ по его общей истории. А. Е. Катунским, В. Ф. Миловидовым была представлена эволюция старообрядческого движения от зарождения до советского времени в соответствии с социально-экономическими изменениями в России, что является весьма важным для научного осмысления эволюции северного раскола. Однако, как и в аналогичных работах досоветского периода, история старообрядчества на Европейском Севере отражена в них подробно лишь до середины XVIII в.; фактическая сторона изложения не претерпела существенных изменений. Проблема степени достоверности официальной статистики в вопросе о численности старообрядцев была тщательно рассмотрена на основе математического анализа В. Г. Карцовым,

предложившим статистические коэффициенты поправки для каждого этапа истории раскола XIX в. Глубокий анализ элементов антифеодального и антигосударственного протеста в идеологии ряда течений старообрядчества XVIII в. и чаяний их последователей (включая и сюжеты о развитии поморщины, филипповщины, странничества на Европейском Севере), произведенный А. И. Клибановым, позволяет понять особенности складывания социального состава старообрядцев в период становления движения. В сжатом виде весь комплекс социально-экономических, политических и историко-религиозных причин распространения раскола на Европейском Севере был представлен С. А. Зеньковским.

Недостаточное освещение историко-демографических вопросов эволюции северного старообрядчества в обобщающих работах во многом было обусловлено проблематикой возобновившихся исследований локального характера. Так, возрождается изучение старообрядчества западной части Поморья. Начало ему положила монография Н. А. Барсукова о Соловецком восстании. Глубокий анализ социально-экономических и психологических причин крупнейших палеостровских самосожжений был произведен Р. Б. Мюллер. Новый подъем пережило изучение Выга. В частности, М. Л. Соколовской была подробнейшим образом отображена структура старообрядческих поселений Выгореции периода ее расцвета (первая половина XVIII в.). М. И. Бацером была раскрыта эволюция социально-экономической деятельности Выга, вращение общи́нничества в феодальную систему, медленно эволюционировавшую по буржуазному пути, социальное расслоение и эксплуатацию в старообрядческой среде. Однако история старообрядчества после начала XVIII в. на остальной территории Карелии разработке не подвергалась. Научное изучение историко-статистических аспектов феномена старообрядчества в Коми крае начал Л. П. Лашук. Основной же вклад внесла серия работ Ю. В. Гагарина, в которых произведен конкретно-исторический и статистический анализ размаха старообрядческого движения в Коми крае во второй половине XVII – начале XX вв. на основе систематического применения статистической и делопроизводственной документации гражданских и церковных органов, что явилось также крупным шагом вперед в методике изучения старообрядческого населения. Им также было подвергнуто исследованию мезенское и пинежское старообрядчество XIX – начала XX в., и сделана первая в историографии попытка осмысления истории старообрядчества Европейского Севера как единого движения. Этнические контакты русского и коми старообрядческого населения изучались Л. Н. Жеребцовым. Вне национальных территориальных образований Европейского Севера тема старообрядчества получила лишь реферативное отображение в краеведческих очерках В. А. Зайцева и И. Ф. Ушакова по истории Архангельской и Мурманской области соответственно. Кроме того, вопросы месторасположения скитов XVIII – первой половины XIX в., социального состава и вероучительной

принадлежности их населения рассматривались в диссертационных исследованиях Н. В. Третьяковой и Л. К. Куандыкова.

Постсоветский период. С начала 1990-х гг. и до настоящего времени наблюдается усиление внимания к теме старообрядчества Европейского Севера со стороны местных и инорегиональных исследователей.

Продолжается рассмотрение ранней истории северного раскола, в частности, самосожжений, детальный анализ ряда которых произведен Е. М. Юхименко, А. Т. Шашковым. Ряд событий времени становления старообрядчества на Кокшеньге был описан А. А. Угрюмовым. Причины и обстоятельства распространения старообрядчества в Пустозерске во второй половине XVII в. и перемещения затем центра нижнепечорского раскола в Усть-Цильму подробно разобраны Е. Г. Меньшаковой.

Обращено специальное внимание на динамику численности старообрядцев (в основном в конце XIX – начале XX в.), отразившей общие тенденции массового старообрядческого движения. Рассмотрение ее в контексте вопроса о кризисе старообрядчества было произведено М. В. Пулькиным, И. Н. Ружинской – в рамках Олонецкой губернии, Ю. В. Савельевым – по Сольвычегодскому и Усть-Сысольскому уездам, Н. М. Ситниковой – по Череповецкому уезду, А. А. Камаловой и А. И. Климовым – в рамках Архангельской губернии.

Заслуга в общем определении спектра течений старообрядчества Архангельского севера, впрочем, без выявления четкого соотношения толков и согласий и их конкретной локализации, принадлежит Н. Н. Чураковой. Вопрос о внутриконфессиональной дифференциации старообрядцев Каргопольского уезда в середине XIX-начале XX в. (включая и единоверие) затрагивается в диссертационном исследовании Г. Н. Мелеховой. Значительная часть монографии А. И. Мальцева об истории странничества посвящена рассмотрению эволюции страннического учения и его распространения в пределах Европейского Севера.

Существенный вклад в изучение проблемы территориального распространения старообрядчества в Карелии внесли работы А. М. Пашкова, который систематизировал исторические знания о наиболее значительных скитских поселениях конца XVII – начала XX в.: их расположении, времени существования, численности жителей, воздействия на рост раскола среди окружающего населения. Кроме того, Пашков вновь затронул не изучавшуюся долгое время проблему распространения старообрядчества у карелов и вепсов, но только в первой половине – середине XIX в. Попытка оценки масштабов и последствий распространения старообрядчества в среде коми произведена Ю. Пентикайнем. О. М. Фишман, изучая старинные обрядовые и бытовые традиции тихвинских карел-старообрядцев, дает сведения об обстоятельствах внедрения в их среду идей раскола, их вероучительной принадлежности. А.Н. Власов отразил, на базе симбиоза достижений исторической, этнографической и филологиче-

ской наук механизмы процесса восприятия старообрядческого учения народом коми в Удорском и Печорском крае и его результаты.

Следует упомянуть о значении использования для определения удельного веса старообрядцев на какой-либо территории, в составе той или иной этнической или социальной группы историко-демографических и статистических работ (в первую очередь Я. Е. Водарского, В. М. Кабузана, П. А. Колесникова, И. Л. Жеребцова, Д. И. Пинаевского), а для понимания особенностей религиозного сознания основных этносов Европейского Севера – этнографических работ Т. А. Бернштам, В. В. Пименова, З. И. Строгальщичевой, Ю. Ю. Сурхаско и др.

Таким образом, к настоящему времени достигнуты определенные успехи в изучении старообрядческого населения Европейского Севера, производившегося в большей степени путем краеведческих и частнопроблемных исследований, в меньшей степени – в рамках обобщающих работ по истории российского старообрядчества и специальных исследований по истории старообрядчества отдельных крупных территорий региона. В историографический массив косвенно входят также демографические, историко-экономические, этнографические, филологические исследования. К настоящему моменту наиболее полно освещена ранняя история северного старообрядчества середины XVII – начала XVIII в., а также период второй половины XIX – начала XX в. В территориальном плане исследованию было подвергнуто главным образом старообрядчество нескольких крупных очагов: на Выге, в Северной Карелии, на Печоре, в меньшей степени – на остальной территории Коми края и Архангельского Поморья; старообрядчество прочих районов Европейского Севера изучению почти не подвергалось. К относительно разработанным вопросам можно отнести отображение основных направлений старообрядческих миграций и общего размаха старообрядчества (без системы конкретных данных по динамике численности), спектра его течений; к менее исследованным – его социальный состав, особенно, сословную дифференциацию; почти совсем не занимало историческую науку единоверие региона. Важно и то, что в историографии выявлен ряд источников, важных для раскрытия темы, начата разработка методики их анализа, введен в научный оборот большой фактический материал. Можно сделать вывод о том, что комплексом предыдущих исследований созданы прочные предпосылки для решения диссертационных задач.

Источники. Источниковая база работы представлена прежде всего опубликованными материалами. Здесь, во-первых, следует выделить «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительственного Синода» (издание выходило с 1868 по 1915 гг.; публикация была доведена до 1770 г.), в котором встречаются доношения о расколе, распоряжения по этим вопросам центральной власти, результаты розысков старообрядцев. Хотя археографический уровень издания невысок, оно частично компенсирует малое количество сохранившейся документальной информации об истории старообрядчества до

середины XVIII в. Большую группу источников, сходных друг с другом по происхождению и характеру информации, составляет опубликованная государственная статистика середины XIX – начала XX в. как центрального, так и губернских изданий: «Наличное население империи за 1858 г.», «Статистические сведения о старообрядцах (к 1 января 1912 г.)», таблицы «О численности населения по вероисповеданиям» губернских Памятных (справочных) книжек, материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Уникальность последних состоит в том, что это единственный массовый источник досоветского периода, отражающий точный этнический состав старообрядцев в рамках всего региона.

В целом, значение опубликованных источников для настоящего исследования ограничено хронологической неполнотой информации и, в большинстве случаев, слишком общим ее характером. Приоритет, безусловно, принадлежит архивным документам. В работе над диссертацией использованы материалы 24 фондов (большинство из которых однотипные) 7 центральных и региональных архивов: Российского государственного архива древних актов (г. Москва), Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), Государственного архива Архангельской области (г. Архангельск), Государственного архива Вологодской области (г. Вологда), Великоустюгского филиала Государственного архива Вологодской области (г. Великий Устюг), Государственного архива Новгородской области (г. Великий Новгород), Национального архива Республики Карелия (г. Петрозаводск). Весь их корпус можно условно разделить на два массива: 1) документы учреждений Русской православной церкви и связанных с ней организаций; 2) документы исполнительных органов государственной власти.

Совокупность источников первого массива представлена следующими видами документации.

Первую группу составляют документы «Следственных дел о раскольниках» XVIII – начале XX в., сосредоточенные в большем или меньшем количестве практически во всех фондах региональных церковных органов, а также Синода. Их использование частично компенсирует малочисленность статистических материалов по XVIII столетию, позволяет осмыслить внутренние тенденции эволюции старообрядчества на том или ином его этапе, а также рассмотреть объект изучения не только с точки зрения власти, но и с позиций самих старообрядцев.

Широкое применение нашла группа статистических документов, хранящихся в фондах епархиальных духовных консисторий и архиерейских канцелярий: «Клировых ведомостей о числе раскольников» (от приходских до епархиальных), «Именных списков раскольников». По формуляру их можно разбить на несколько подвидов, и в совокупности эти источники не только позволяют определить динамику численности (правда, заниженной) и расселения старооб-

рядцев, но и отражают их внутриконфессиональную дифференциацию, а также, на частных примерах, социальные характеристики старообрядческого населения.

В особую группу выделяются делопроизводственные материалы отчетно-статистического характера. Бесспорным достоинством ежегодных «Отчетов о состоянии епархии» середины XIX – начала XX в. (содержащих обязательный пункт «Раскол») является то, что именно они позволяют наиболее разносторонне, широко (в рамках епархии) и, вместе с тем, обобщенно обозреть объект изучения. Наиболее точный и упорядоченный характер имеет информация о численности, распространении, внутриконфессиональной дифференциации и духовно-нравственном состоянии старообрядческого населения, содержащаяся в окружных «Отчетах о состоянии раскола» епархиальных миссионерских комитетов и противораскольнических православных братств; кроме того, исключительной особенностью этих документов является то, что в них значительное место отводилось сведениям о единоверии, включая оценку его перспектив.

В сравнении с церковными материалами документация светских органов власти в создании данной диссертации играет несколько меньшую роль. Она представлена рядом сходных отчетно-статистических материалов.

Из материалов центральных органов использованы «Ведомости о сборе денег с раскольников» 20 – 40-х гг. XVIII в. Сената и Раскольнической конторы. Эти источники дают возможность определить последовательность территориального распространения старообрядчества. Однако разница между официальной и реальной численностью раскольников была в тот период очень значительна, так что подлинный размах старообрядческого движения они не отражают.

Широкое применение нашли материалы, сосредоточенные в архивных фондах губернаторов и губернских канцелярий, городской и уездной полиции, губернских статистических комитетов. Несмотря на различный статус этих государственных органов, информация о расколе в их документах имеет единое происхождение, полностью сопоставима друг с другом и взаимозаменяема, поскольку собираемые полицейскими органами сведения о раскольниках отправлялись в губернские канцелярии, включаясь в ежегодные «Обзоры губернии», и в губернские статистические комитеты (составлявшие затем Памятные книжки, так что можно говорить о соответствии данных источников и опубликованной статистики). Степень отражения в них территориальной, конфессиональной и социальной дифференциации старообрядческого населения не глубока, однако внесение туда заподозренных в принадлежности к старообрядчеству делает «Ведомости о раскольниках по различным их толкам» ценным источником в решении проблемы действительной численности старообрядцев.

Наряду с определением количественных параметров старообрядчества полицейские органы занимались учетом их богослужебных помещений, состав-

ляя «Ведомости о раскольнических молитвенных зданиях», передававшиеся затем в губернский центр, но почти нигде не входившие в итоговые отчеты губернаторов и статистические издания. Информация об идейных центрах старообрядчества – их местоположении, типе, количестве насельников, времени основания – позволяет судить о степени размаха и условиях существования староверия в той или иной местности.

Абсолютное большинство документов о старообрядчестве в фондах полицейских органов приходится на период усиленного преследования раскола в 1830 – начале 1850-х гг. В дальнейшем их количество и регулярность постепенно начинают снижаться, и к концу 80-х гг. XIX в. они практически исчезают. Губернская администрация и статистические комитеты стали использовать церковные сведения, а после 1905 г. вовсе почти перестали заниматься учетом старообрядческого населения.

Доминирование материалов, имеющих официальное происхождение, объясняется тем, что основной массив старообрядческих сочинений имеет явно выраженный богословский характер и задачам настоящего исследования не соответствует. Та же их часть, где содержится конкретно-историческая информация, давно введена в научный оборот, так что их фактический материал целиком использован в историографии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что весь корпус представленных источников соответствует требованию однородности (сопоставимости), но вместе с тем, имеет ряд недостатков, не абсолютно удовлетворяя принципам полноты, точности и достоверности сведений, и плане изучения некоторых аспектов темы (в основном, связанных с социальным составом объекта изучения) не в полной мере обладает необходимой степенью информативности. Однако более подходящих для нашего исследования источников к настоящему времени не выявлено, и мы полагаем, что эффективный анализ имеющегося источниковедческого массива делает привлеченный корпус источников вполне репрезентативной базой для реализации поставленных задач.

Научная новизна и значимость работы состоит в том, что она представляет собой первое крупное исследование блока расселенческих и демографических характеристик старообрядства Европейского Севера на протяжении столь длительного исторического периода, проведенное на основе систематизированного комплекса массовых источников и методов картографии. В нем предпринимается попытка не только показать целостную эволюцию северного старообрядчества как массового движения, но и разработать определенную методику статистического изучения крупных религиозных образований прошлого, оппозиционных официальной церкви.

Апробация результатов работы произведена на ряде научно-практических конференций: «Архивы – хранилище исторической памяти» (Вологда, октябрь 1998), «Архивы России и проблемы региональной истории» (Ве-

ликий Новгород, май 1999), «Коренные этносы Севера европейской части России: история, современность, перспективы» (Сыктывкар, май 2000), «Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследования» (Вологда, июнь 2000). В целом диссертация обсуждена на кафедре отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета.

Практическая значимость диссертации состоит, на наш взгляд, в том, что материалы исследования могут быть использованы в обобщающих и специальных трудах по религиозной истории России и Европейского Севера, в краеведческих работах, а также в подготовке общих и специальных курсов на гуманитарных факультетах, при составлении учебных пособий.

Структура диссертации определена поставленными задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, примечаний, списка литературы и источников, приложений. Объем основного текста составляет 173 страницы, общий объем диссертации – 215 страниц.

Содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность и новизна исследования, его хронологические рамки и территориальные границы, анализируется историография проблемы, формулируются цели и задачи исследования.

В **первой главе** «Численность и размещение» в центре внимания находятся вопросы динамики численности и территориальной локализации старообрядческого населения Европейского Севера.

В **первом параграфе** «Оформление ареалов распространения старообрядчества во второй половине XVII – XVIII вв.» рассматривается становление старообрядческого движения в регионе. Начало его распространения, обусловленного комплексом социально-экономических, политических и историко-религиозных факторов, относится к 1650-1660-м гг., находя широкий сочувственный отклик у местного населения, не готового к немедленному восприятию религиозных нововведений. В результате проповеднической деятельности ряда лиц местного и инорегионального происхождения, под воздействием грубо-репрессивной государственной политики, в 70-90-е гг. XVII в. происходит мощный всплеск открытого старообрядческого протеста (вооруженной борьбы, массовых самосожжений), эпицентр которого пришелся на Западное Поморье. В связи с действиями государства по уничтожению фанатичного крыла раскола северное старообрядчество с начала XVIII в. трансформируется в менее радикальное движение, распространяясь среди широких масс населения, охватывая все новые территории. Эта тенденция становится доминирующей во второй половине столетия, после того, как закончился последний всплеск открытого фанатичного протеста в 1720 – 1760-е гг., менее мощный, но зато охвативший не

только западную, но также центральную и восточную часть Европейского Севера. Как следствие указанных процессов, к концу XVIII в. в основном завершился процесс расселения северного старообрядчества, складывания его устойчивых очагов, большей частью, в зонах, удаленных от административных центров (на стыке уездов и губерний), но там, где оказывались возможны контакты населения из разных регионов: вокруг крупных судоходных рек, рядом с местами проведения значительных торгов. Образование их шло в основном автономно, в меньшей степени – под воздействием новгородского, пошехонского и приуральского старообрядства (главным образом, это относится к очагам старообрядчества в южной части региона). На Европейском Севере формируются крупные старообрядческие ареалы: Шекснинско-Сухонское междуречье, Подвинье, Печорский край, Карелия, Каргополье. Северное старообрядчество становится по-настоящему массовым движением, имеющим десятки тысяч открытых и тайных последователей.

Во втором параграфе «Очаги и центры старообрядчества в XIX в.» отображены количественные и пространственные характеристики северного старообрядства на центральных этапах его истории.

В первой трети столетия оно достигает расцвета и становится столь массовым движением (фактическая численность последователей достигает как минимум 100 тыс. человек или $\approx 6,5\%$ всего постоянного населения), что его размах реально не был уменьшен к середине XIX в. комплексом следовавших в 1830–50-е гг. репрессивных государственных мероприятий. Однако нанесенный удар способствовал постепенному развитию в северном старообрядчестве стагнационных явлений, перераставших к концу XIX в. в некоторых районах в процесс медленного сокращения численности старообрядцев. Эволюция расселения шла в рамках сложившихся ареалов и имела теперь, в отличие от предыдущего периода, незначительные масштабы. Территориальное размещение старообрядцев представляло собой множество крупных и мелких очагов, различавшихся размером занимаемой площади и количеством входящих туда населенных пунктов и административно-территориальных единиц, степенью автономности, численностью последователей старообрядчества и их удельным весом в составе всего местного населения. Так, почти повсеместно старообрядцы проживали в Каргопольском и Повенецком уездах, а также (несколько в меньшей степени) в Петрозаводском, в то время как на остальной территории Олонецкой губернии старообрядчество, особенно после репрессий 1830-1850-х гг., широко представлено не было. Крупнейший очаг с несколькими центрами охватывал большую часть Кемского уезда; кроме этого, в Архангельской губернии старообрядцы локализовывались преимущественно в поселениях, находившихся вблизи рек Печоры, Пинеги, Мезени, нижнего течения Северной Двины. Микроочаги старообрядчества находились на Чаронде и к востоку от Устюжны; существенно более крупный очаг располагался на стыке Устюжен-

ского и Тихвинского уездов. Самое же значительное количество последователей «старой веры» в северо-восточной части Новгородской губернии проживало в местностях вдоль среднего течения реки Шексны и вокруг Череповца. Этот очаг непосредственно соединялся с старообрядческим ареалом юга Вологодской губернии, где, например, по данным на 1896 г. старообрядцы проживали в 17 волостях из 28 Вологодского уезда, в 9 из 11 волостей Грязовецкого уезда и повсеместно в верховьях реки Сухоны. Один из самых крупных в регионе очагов старообрядчества занимал основную часть территории Сольвычегодского уезда (кроме низовий Вычегды) и пограничные с ним местности Вельского и Устюжского уездов. Старообрядчество также было представлено довольно большими группами последователей в Печорских волостях Усть-Сысольского уезда и на Верхней Вычегде, в Удорском крае и Кокшеньге.

Вплоть до конца столетия это размещение не претерпевает сколь-нибудь существенных изменений. В целом, накануне XX в. старообрядчество на Европейском Севере, будучи еще влиятельным учением, распространенным среди значительной части населения, уже переживало явления, свидетельствовавшие о будущем его кризисе, как массового религиозного движения.

В третьем параграфе «Кризисные явления в массовом старообрядческом движении в начале XX в.» анализируется состояние объекта изучения в эпоху значительных модернизационных социально-экономических и политических изменений в России. В этот период старообрядчество на Европейском Севере вступило в фазу кризиса, выразившегося, прежде всего в падении его реальной численности и удельного веса в общем составе населения, предотвращению чего не смогло способствовать даже значительное расширение религиозных прав и свобод старообрядцев. Процесс сокращения численности старообрядчества усиливался благодаря разрушению его традиционной организационной структуры, которая не была полноценно восполнена легальными общинами, объединившими лишь ничтожную часть старообрядцев. При том, что темпы снижения массовости старообрядчества в различных регионах Европейского Севера были неодинаковы, колеблясь от сохранения приблизительно неизменного официального количества его последователей (при реальном падении в действительности) до устойчивого ежегодного его уменьшения на несколько процентов, что зависело от степени укорененности там «старой веры» и разложения традиционного уклада жизни, указанный процесс был, безусловно, устойчив и необратим. Однако он не повлиял существенно на изменение исторически сложившегося расселения старообрядцев; существенного сокращения площади очагов старообрядчества не произошло. Благодаря значительному размаху и многовековой укорененности старообрядчества в регионе кризисные явления в нем за столь ограниченный промежуток времени не смогли, да и не успели развиться в очень сильной степени, так что к 1917 г. северное старообрядчество оставалось еще достаточно многочисленным движением (количество только твердых

последователей которого составляло не менее 30 тыс. чел.), сохранившим потенциал для своего существования в течение продолжительного времени.

Во второй главе «Внутриконфессиональная дифференциация» предметом исследования становится распределение старообрядческого населения Европейского Севера по направлениям, толкам и согласиям.

Первый параграф «Течения беспоповщины и их соотношение» посвящен анализу структуры беспоповского направления, изначально занявшего на Европейском Севере ведущие позиции. В период становления северного старообрядчества в нем сформировался ряд беспоповских толков и согласий, преимущественно местного происхождения, учение части из которых (прежде всего, поморщины и филипповщины) было заимствовано старообрядчеством других регионов России. По мере утраты северным старообрядчеством внутреннего потенциала роста (начиная с рубежа XVIII-XIX вв.) в него вторгаются беспоповские течения инорегионального происхождения: федосеевщина, ранее распространенная лишь в юго-западной части Европейского Севера, аристовское согласие, спасовский и страннический толки. В результате в пределах Европейского Севера сложился весь спектр толков беспоповского направления – поморщина, спасовщина, странничество, федосеевщина, филипповщина, каждый из которых имел значительное число последователей, подчас в пределах одного старообрядческого очага. Особенно многосоставляющей стала беспоповщина в районах, где раскол имел сильный размах и длительную историю существования, находившихся на стыке нескольких очагов, как, например, в Грязовецком, Сольвычегодском, Череповецком уездах. Там же, где старообрядчество массово распространилось позднее (к примеру, в Прилузье), или в районах, расположенных в стороне от основных зон концентрации его очагов (на Печоре, Вычегде, в Тихвинском уезде, Южном Обонежье), количество представленных течений было беднее. Внутри северной беспоповщины постоянно нарастала борьба, усиливался процесс ее дробления на относительно крупные и совсем мелкие (по своему статусу близкие к сектам) согласия, разделявший нередко даже отдельные старообрядческие семьи. В ходе развития указанного процесса главенствующее положение в основном получали среднерадикальные течения, широко распространившиеся на Европейском Севере к концу этапа становления северного старообрядчества (филипповщина, федосеевщина, аароновщина, полубрачная даниловщина), которые вытесняли ранее возникшие, а также потерявшие радикализм и сверхрадикальные. Тем не менее в начале XX в. ни одно из основных беспоповских течений на Европейском Севере не находилось еще на грани исчезновения.

Во втором параграфе «Единоверие и поповщина» освещены события, связанные с деформацией традиционной – беспоповской – структуры северного старообрядчества в середине XIX – начале XX в. путем проникновения единоверия и поповщины.

В истории распространения единоверия на Европейском Севере можно выделить два основных периода активности. Первый из них пришелся на 1850-1860-е гг. и был связан как с желанием власти видоизменить северное старообрядчество, так и с инициативой старообрядческих масс. Второй, будучи уже лишь порождением государственного стремления уничтожить раскол, пришелся на 90-е гг. XIX – начало XX в. и по мере ослабления религиозных гонений против старообрядцев почти сошел на нет. Единоверие проникло лишь в несколько крупных очагов старообрядчества, во многих из которых оно было отторгнуто старообрядческими массами, но все же прижилось среди части старообрядцев Череповецкого, Вологодского, Печорского, Тихвинского, Повенецкого, Каргопольского и Вытегорского уездов. Идею насаждения единоверия, оставившего некоторый след в религиозной истории Европейского Севера, нельзя считать полностью провалившейся. Однако в целом оно затронуло незначительную долю старообрядцев-беспоповцев (численность единоверцев никогда не превышала 6 тыс. чел., т. е. была в несколько раз ниже только официальной численности старообрядцев) и не смогло ликвидировать ни один из старообрядческих очагов.

В отличие от единоверия, распространение на Европейском Севере поповщины не было связано с государственной инициативой, а явилось движением самих старообрядцев: как местных, так и инорегиональных. К концу XIX в. небольшое число старообрядцев-поповцев обнаруживается лишь в отдельных местностях Череповецкого и Кемского уездов, однако затем положение изменяется. Проникновение в начале XX столетия на Европейский Север поповщины из нескольких внешних мест – Нижегородской, Ярославской, Витебской губерний, Москвы и Санкт-Петербурга – за счет миграций небольших групп старообрядцев-поповцев и путем проповедничества привело к тому, что поповщина имеет заметный успех в 1910-е гг., однако закрепляется лишь внутри небольшого числа волостей в Каргопольском, Мезенском, Пинежском, Грязовецком и Кадниковском уездах, в пределах сложившихся очагов старообрядчества, не сформировав новых очагов. По всей видимости, к концу рассматриваемого периода она в основном уже исчерпала потенциал поступательного развития, завершила свое оформление, заняв устойчивую, но достаточно скромную нишу (о чем говорит хотя бы численность последователей, навряд ли превышавшая 1 тыс. чел.) среди течений северного старообрядчества.

В итоге главенствующее положение беспоповщины поколеблено не было.

Третья глава «Этносоциальная структура» посвящена исследованию еще нескольких основных демографических показателей старообрядческого населения Европейского Севера.

В **первом параграфе** «Половозрастной состав» показано, что на этапе своего становления северное старообрядчество могло складываться из довольно случайного сочетания половозрастных групп. Специфика его половозрастного

состава оформляется во второй половине XVIII в., стабильно сохраняясь затем до конца рассматриваемого периода.

По половому показателю с указанного времени наблюдалось почти повсеместное численное превосходство женщин над мужчинами, которое особенно резко выделялось в местах значительной концентрации и длительного существования старообрядцев. Во времена усиленных гонений на старообрядчество это объясняется тем, что женщины на практике подвергались преследованиям в меньшей степени, чем мужчины, а потому реже скрывали свое истинное вероисповедание. По мере ослабления репрессий в период социально-экономической модернизации страны и либерализации государственной политики по отношению к старообрядчеству (конец XIX – начало XX в.) на первый план стало выходить то обстоятельство, что нарастающий на ранних фазах кризиса старообрядчества индифферентизм к соблюдению нормативных и вероучительных основ старообрядчества, пассивная позиция в религиозной жизни и тому подобные явления захватывали сильнее мужчин, чем женщин; последние же, как более консервативная в религиозном плане часть общества, дольше сохранили верность старообрядческим нормам и идеям. Наконец, значительная роль женщин в северном старообрядчестве закономерно вытекала из преимущественно беспоповского его характера. В беспоповщине, оказавшейся без иерархии и священства, с ее в определенной степени нарушенной системой патриархальных брачно-семейных ценностей, женщина пользовалась гораздо большей свободой и самостоятельностью, а потому занимала видное место в религиозной жизни. Женским был состав большинства скитов на Европейском Севере. Наставнический и, особенно, учительский массив в значительной степени был представлен женщинами (хотя наиболее авторитетными лидерами старообрядчества были мужчины). На женщинах, главным образом, пожилых, лежали функции сохранения знаний о семейно-календарной обязанности и контроля за ее соблюдением, отправления богослужения. В поповщине и единоверии соотношение полов приближалось к естественному (незначительные колебания в ту или иную сторону происходили главным образом из-за отсутствия устойчивого воспроизводства последователей через семью в связи с довольно кратким временным промежутком их существования на Европейском Севере), но это не оказывало существенного влияния на общие показатели в связи с малочисленностью их последователей.

Особенностью возрастного состава старообрядческого населения Европейского Севера был значительный удельный вес в нем лиц старших возрастных групп. Это объясняется глубоко укоренившейся традицией позднего официального перехода в раскол. Поскольку многие старообрядцы для узаконения перед государством брачно-семейных связей вынужденно совершали венчание и крещение в православной церкви, то даже в конце XIX в. официально «рожденных в расколе» практически не было. Старообрядческая молодежь – «мир-

ские» - не порывала еще окончательно с православием. В зрелом или пожилом возрасте мирские становились «христианами» – «верными», переходя в полный раскол и перекрещиваясь старообрядческими наставниками. Случаи перехода в раскол в молодом возрасте были очень редки; чаще всего это производилось при угрозе смерти. Возникнув изначально как способ избежания репрессий, этот подход перерос постепенно в устойчивую традицию, получившую богословское обоснование. Однако по мере развития в 1900-1910-х гг. в старообрядческой среде индифферентизма доминирование лиц пожилого возраста получило и несколько иной смысл. Индифферентизм охватывал главным образом молодежь из старообрядческих семей, пренебрегавшую теперь не только из-за традиций, но и из-за новых условий жизни и новой системы общественных ценностей хотя бы частичным соблюдением своей религиозной практики. Старообрядчество действительно становится преимущественно верой стариков.

Во втором параграфе «Сословный состав» предпринята попытка проследить его эволюцию, происходившую под воздействием таких факторов, как уровень экономического развития Европейского Севера, общая структура его населения, политика центральной и местной власти по отношению к расколу, особенности старообрядческой идеологии.

Прежде всего, доказывается, что при нередкости нахождения старообрядцев во многих губернских и уездных городах Европейского Севера подавляющее большинство старообрядческого населения проживало в сельской местности, причем к концу XIX в. в северном старообрядчестве четко выявилось значительное (в несколько раз) отставание доли горожан от соответствующего показателя в общем составе населения. Это объясняется как сосредоточением в городах административно-репрессивных органов власти, так и изменением позиций различных сословий в старообрядческой среде.

Среди городского населения формирование категории лиц, открыто принадлежащих к старообрядчеству, относится к первой половине XVIII в., когда произошел поворот от сугубо насильственных методов борьбы со старообрядчеством к использованию дополнительных налогов и штрафов. Первоначально эта категория состояла в основном из купцов, способных вынести тяжесть финансового гнета и защищаться от уголовного преследования. Смягчение государственной политики в области раскола в последней трети XVIII в. вкупе с превращением в горожан крестьян-старообрядцев крупных сел после губернской реформы 1775 г. привело к формированию мещанской основы городского старообрядчества. На купцов же были возложены функции административного руководства общинами, их материальной поддержки и защиты от притеснений власти. По мере распада в последней трети XIX – начале XX в. сословия гильдейского купечества как такового и нарастания экономического отставания Европейского Севера купеческий слой в северном старообрядчестве почти исчезает; доминирование мещан среди городских старообрядцев закрепляется. Еще

одной заметной сословной категорией городского старообрядческого населения были проживавшие в городах крестьяне, доля которых постоянно колебалась в связи с непостоянством их нахождения там. В период расцвета северного старообрядчества зачастую наблюдается единство религиозной жизни всех категорий городских старообрядцев, наличие в полном смысле единых общин. Однако по мере дальнейшего усиления социального расслоения старообрядчества и дробления его на толки и согласия такое единство разрушалось, что, как правило, приводило к раздельному существованию старообрядцев в случае, если они не были связаны друг с другом родственными узами.

Подавляющая масса старообрядцев проживала в сельской местности. Их правовой статус отражал общую структуру северного крестьянства, включая в себя все основные категории: государственное (черносошное), частновладельческое (помещичье), монастырское (экономическое), дворцовое (удельное), а также ряд мелких (приписное, обельное, вольные хлебопашцы, ямщики). Однако удельный вес представителей той или иной категории в старообрядчестве не всегда совпадал с ее общим удельным весом в северном крестьянстве. Наиболее сильно диспропорция ощущалась у экономических крестьян, удельный вес которых в старообрядчестве многократно превышал их долю в сельском населении, и помещичьих крестьян – категории, широко распространенной в южных районах региона, но занимавшей в старообрядчестве скромное место. После 1861 г. главенствовавший ранее правовой фактор дифференциации крестьянства уступил место материальному. В частности, происходит нарастание различия в материальном положении православного и старообрядческого крестьянства. Религиозно-психологические истоки более зажиточного состояния крестьян-старообрядцев коренятся, с одной стороны, в сохранении многовековых традиций общинного быта (проявлявшихся более сильно, чем у православных), а с другой стороны, в приверженности принципам, сходным с принципами протестатской этики (организационно-экономический рационализм, духовная концепция дела).

Таким образом, главной чертой сословного состава старообрядческого населения Европейского Севера стало преобладание тех слоев, которые в меньшей степени были связаны со служением светской и церковной государственной власти, ее интересам и менее подвергались административному контролю. Кроме того, к концу рассматриваемого периода наблюдается ослабление роли городских сословий, «крестьянизация» северного старообрядчества, что порождало в условиях разрушения традиционного общества предпосылки для его полного распада.

В третьем параграфе «Этнический состав» рассматриваются механизмы втягивания в старообрядческий раскол различных этносов региона и результаты этого процесса. Было выявлено, что изначально будучи на Европейском Севере религиозным движением русского народа – генератора идеи раскола – оно

до конца рассматриваемого периода сохраняло численное доминирование русских по абсолютным показателям. Однако дальнейшее распространение старообрядчества по территории Европейского Севера привело к усложнению его этнического состава благодаря втягиванию в раскол всех основных групп карел (ливвиков, людиков, лоппи, тихвинских и, особенно, карьялы) и многих групп коми (в первую очередь, печорцев, а также вычегодцев, удорцев, ижемцев, прилузцев), а также, в небольшой степени, прионежских вепсов. Важнейшими условиями успеха процесса проникновения старообрядчества в среду аборигенных этносов, достигшего расцвета в первой половине XIX в., являлись разнообразные культурные контакты с русским населением, наличие вблизи территории того или иного этноса мощных старообрядческих очагов и ведение отсюда целенаправленной пропаганды, достаточная степень удаленности этнических ареалов от центров гражданской и церковной власти. Реальное бытование комплекса этих условий и приводило к значительному распространению старообрядчества у одних народов, а отсутствие одного или нескольких из них – к его слабому восприятию (вепсы) или невосприятию (саамы, финны, ненцы) другими. В целом, уровень распространенности старообрядчества у нерусских этносов периода его зрелой и поздней эволюции превышал их удельный вес в общем составе населения региона, не приводя при этом к их ассимиляции. Кризисные явления в старообрядческом движении в начале XX в. затронули на Европейском Севере различные группы всех этносов – носителей старообрядчества, в неодинаковой степени: сильнее они развивались в русской и, особенно, карело-вепской среде, мало ощущались у коми старообрядческого населения. Поскольку в других регионах России русский старообрядческий раскол в иноэтнической среде распространения почти не находил, этническую пестроту северного старообрядчества можно считать уникальной.

В заключении диссертации сформулированы основные наблюдения и выводы проведенного исследования.

Важнейшими факторами эволюции старообрядческого населения Европейского Севера были природно-географические особенности региона, его административно-территориальное деление и социально-экономическое развитие, центральная и местная церковно-государственная политика. В развитии северного старообрядчества можно выделить несколько крупных этапов, различавшихся тенденциями динамики численности старообрядческого населения, системой его расселения, степенью сложности внутриконфессиональной дифференциации и особенностями социальной структуры.

Из-за обширности территории Европейского Севера весьма продолжительным, с середины XVII до конца XVIII в. оказался этап становления старообрядчества, в котором, в свою очередь, можно выделить ряд подэтапов. Масовое появление старообрядцев в структуре населения региона произошло во второй половине XVII в., когда на фоне широкого общественного недовольства

реформами Никона, при наличии у большинства людей прежних обрядовых навыков возникают первые, еще четко не оформившиеся ареалы открытого протеста против нововведений и подчас вооруженного сопротивления им. К концу данного подэтапа (рубеж XVII – XVIII вв.) уже определилась такая особенность старообрядческого населения Европейского Севера, как приверженность бесповошине. Последовавший затем приблизительно 20-летний период низкой активности старообрядческого движения стал следствием подавления его государством; это было время поиска старообрядчеством иных форм существования. Новый подэтап активности, продолжавшийся до 1760-х гг. включительно, выразился в переносе движения из ограниченного числа «зон активности» на значительную часть территории региона. Указанный процесс происходил как путем случайного занесения старообрядческих идей в результате экономических контактов между районами и целенаправленных проповедей отдельных лиц, так и благодаря добровольным и принудительным миграциям разных по численности групп старообрядцев, в том числе и из других регионов. Проникновение старообрядчества в какую-либо местность в большинстве случаев приводило к его укоренению там. К концу данного подпериода в основном складывается система расселения старообрядцев, принявшая очаговый характер; различавшиеся по размеру территории и численности последователей очаги старообрядчества находились главным образом на стыке губерний и уездов. Тогда же формируются половозрастные особенности старообрядчества, заключающиеся в численном преобладании женщин над мужчинами, лиц старших возрастов – над молодежью. Сословную базу северного старообрядчества составило в городах купечество и мещанство, в сельской местности – крестьянство, большей частью, чернососное (государственное), дворцовое (удельное) и монастырское (экономическое). В это время на Европейском Севере усложняется спектр течений старообрядчества за счет выделения из местных беспововских толков – поповщины и филипповщины – отдельных согласий, в первую очередь, аароновщины и появления течений инорегионального происхождения: фэдосеевщины и спасовщины; начинается его превращение из русского религиозного движения в полиэтничное, благодаря втягиванию в орбиту влияния ряда локальных групп малых этносов: карельского, коми и вепсского. Завершение роста очагов старообрядчества относится к началу XIX в. В своем странственном развитии старообрядчество опиралось главным образом на ранее сложившуюся систему поселений. Вовлечение в оборот прежде неосвоенных территорий через основание новых – старообрядческих – населенных пунктов (скитов, сел, деревень) играло менее значительную роль, хотя степень преобладания обычных поселений в различных районах региона была неодинакова.

Пик распространения старообрядчества на Европейском Севере пришелся на первую четверть XIX в. Этот этап характеризуется наибольшей численно-

стью старообрядцев, максимальной широтой социальной базы движения, заметным распространением течений инорегионального происхождения, расцветом института скитства, так что в ряде местностей старообрядчество занимает лидирующие позиции по отношению к официальному православию. Однако произошедший уже к тому периоду переход важнейших центров беспоповского старообрядчества из северной части России в центральные районы, а также прекращение в пределы региона внешних старообрядческих миграций знаменовали собой первые предпосылки будущего кризиса.

Нанесенный государством в 30-50-е гг. XIX в. удар по старообрядчеству привел на Европейском Севере к деградации скитской системы, постепенному отпадению от него относительно привилегированных сословных групп, особенно, купечества, распаду многих городских общин старообрядцев. Тем не менее, общая численность последователей «старой веры» в крестьянских массах во второй половине XIX в. почти не уменьшилась, несмотря на попытки широкого распространения единоверия. Стабильность на данном этапе численности старообрядцев, достигавшаяся нормальным соотношением рождаемости и естественной смертности при редкости уже случаев массовых обращений в раскол, сопровождалась приверженностью большей их части учению среднерадикальных беспоповских согласий. Вообще же к этому времени в пределах региона получили распространение все основные толки беспоповщины, включая странничество.

Негативные последствия разрушения организационной структуры северного старообрядчества по-настоящему стали проявляться лишь к концу столетия. Последующее время – начало XX в. – составило этап его демографического кризиса, выразившегося в стабильном, почти повсеместном снижении численности старообрядцев или хотя бы их удельного веса во всем населении, резкой половозрастной диспропорции, отпадении некоторых локальных этнических групп. Положение усугублялось чрезвычайно возросшим конфессиональным раздроблением старообрядчества, что нередко приводило к наличию нескольких его течений в рамках одного уезда или даже волости и в выделении внутри них множества мелких согласий. Указанное раздробление усилилось еще и из-за появления в нескольких районах поповщины. Такое состояние северного старообрядчества во многом соответствовало общероссийским тенденциям эволюции старообрядческого движения. В итоге еще раз подчеркнем, что в начале XX в. мы имеем дело с ранними фазами этого кризиса. К концу рассматриваемого периода старообрядчество на Европейском Севере прочно занимало второе после православия место среди религиозных движений по количеству последователей; не претерпела существенного сокращения территория его очагов.

Приложения содержат одну таблицу, освещающую численность и удельный вес старообрядческого населения региона по результатам переписи

1897 г. и пять карт, графически изображающих сосредоточение очагов старообрядчества в регионе, направления распространения его течений, а также поволостную локализацию старообрядцев в конце XIX в.

Публикации

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Характеристика старообрядчества на территории Вологодской области (конец XVII – начало XX века) // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. V. Вологда, 1997. С.77-86.

2. Материалы по истории старообрядческого движения в Вологодском крае в фондах ГАВО // Историческое краеведение и архивы: Материалы научно-практических конференций. Вып. 6. Вологда, 2000. С.38-43.

3. Распространение старообрядчества в среде финно-угорских народов Европейского Севера России (XVIII – начало XX вв.) // Коренные этносы Севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: Материалы международной научной конференции. Сыктывкар, 2000. С.266-269.

4. Старообрядчество в Вологде (XVIII – начало XX века) // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С.218-231.

5. Этапы старообрядческого движения в Вологодском крае во второй половине XVII – начале XX в. (по документам Государственного архива Вологодской области) // Новгородский вестник: Научно-публикаторское издание. №2. Великий Новгород, 2000. С. 24-31.

6. Кокшеньгское старообрядчество // Угрюмовские чтения: Материалы конференции. Вып. 2. Вологда -Тарногский Городок, 2001. С.25-33.

7. Противораскольническая деятельность православных церковных братств на Европейском Севере России (кон. XIX – нач. XX вв.) // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований: Материалы межрегиональной научной конференции. Историческое краеведение и архивы. Вып. 7. Вологда, 2001. С.213-217.

